

Постсоветский райцентр: урбанизация или рурализация?

Пример пгт Локоть Брянской области¹

С. А. Самбурова, А. И. Алексеев

Светлана Алексеевна Самбурова, магистрант кафедры экономической и социальной географии России географического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. 119991 Россия, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1. E-mail: svetlanawernbloom@gmail.com

Александр Иванович Алексеев, доктор географических наук, профессор кафедры экономической и социальной географии России географического факультета Московского государственного университета имени М. В. Ломоносова. 119991 Россия, Москва, ГСП-1, Ленинские горы, д. 1. E-mail: alival@mail.ru

Аннотация. В настоящее время поселки городского типа все так же, как и в советский период, занимают «промежуточное» положение между городом и селом, однако последствия кризиса 1990-х и перехода к рыночной экономике сильно изменили их социально-экономическое положение. В качестве примера периферийного поселка городского типа-районного центра нами был выбран Локоть — центр Брасовского района Брянской области.

Для того чтобы проследить, в какую сторону по оси урбанизированности произошел сдвиг Локтя в постсоветский период, нами были выбраны следующие параметры: внешний облик поселка, занятость населения, мобильность и миграции, а также образ жизни. Каждый из них за период с момента распада Советского Союза претерпел трансформационные сдвиги различного масштаба, но общего их направления (проурбанизационного или прорурализационного) не прослеживается: если внешний облик поселка и образ жизни местного населения стали более городскими за счет развития сектора услуг, то занятость, мобильность и миграции, напротив, сдвинулись по оси урбанизированности в сторону села, виной чему в первую очередь закрытие градообразующих промышленных предприятий, повлекшее значительный отток трудоспособного населения поселка в города. Таким образом, разнонаправленность трансформационных процессов не позволяет однозначно отнести Локоть к городу или селу.

Ключевые слова: поселок городского типа, город, село, образ жизни, Брянская область, социально-экономическая трансформация

DOI: 10.22394/2500-1809-2023-8-3-144-184

-
1. Работа выполнена в рамках гранта Российского научного фонда № 21-17-00112 «Трансформация различных типов сельской местности России под влиянием внешних и внутренних факторов в современных социально-экономических условиях».

Согласно классическому подходу, город — это населенный пункт, который в той или иной стране считается городом. Таким образом, в этом случае главный критерий разграничения городской и сельской местности — статусный (Нефедова, 2013а). Тем не менее существует множество исследований, в которых понятие города пытаются определить через совокупность количественных и качественных параметров. Например, В. П. Семенов-Тянь-Шанский в целях определения подходящих признаков «истинных городов» (Семенов-Тянь-Шанский, 1910) использовал критерии людности и занятости населения вне сельского хозяйства, считая самым верным последний (Нефедова, 2013а, Семенов-Тянь-Шанский, 1910). Представители Чикагской школы социологии Р. Парк и Э. Берджесс, в свою очередь, полагали, что одним из наиболее важных параметров, определяющих город, являются культурные факторы (Park, Burgess, 1925). По определению В. В. Покшишевского, город — это крупный населенный пункт, выполняющий промышленные, организационно-хозяйственные, управленческие, культурные, транспортные и другие (но не сельскохозяйственные) функции (Покшишевский, 1973). В то же время существует подход, согласно которому город — это специфическое социальное явление, развивающееся в сложных связях с другими компонентами поселенческой организации общества (Алексеева, 1995). С этой точки зрения поселения любого типа (города, села, станицы и др.), несмотря на резкие культурно-исторические и социально-экономические различия, представляют собой единые социально-пространственные системы, находящиеся на разных стадиях развития. На каждой стадии преобладают те действия генетического механизма развития, которые необходимы и последовательно органичны для нее (Алексеева, 1995).

В соответствии с положениями большинства региональных законов субъектов Российской Федерации² город — «населенный пункт, являющийся промышленным, экономическим и культурным центром, имеющий развитую инфраструктуру (социальную, производственную, инженерную и транспортную), определенную численность жителей, большинство из которых заняты несельскохозяйственными видами производства и обслуживания, имеющий важное (промышленное, социально-экономическое, социально-культурное, историческое) значение, перспективу дальнейшего развития и роста численности населения» (Фролова, 2016). Законодательные критерии определенной людности и структуры занятости населения — в том числе наследие советской эпохи, когда населенный пункт на официальном уровне признавался городом, достигая людности не менее 12 тыс. человек, а также занятости более чем 85% работающего населения вне сельского хозяйства (Гусев, Горкин, Бородулин, 2001). Однако на практике эти критерии, во многих

2. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131 «Об общих принципах местного самоуправления в Российской Федерации»

регионах оставаясь актуальными и после распада СССР, учитываются не всегда. Так, некоторые города, обладающие крайне низкой численностью населения, остаются до сих пор именно городами (например, Чекалин в Тульской области с численностью населения 866 человек (Федеральная служба государственной статистики..., 2022)). В то же время ряд сельских населенных пунктов, в особенности на юге страны, еще в советский период достиг таких значений людности, которые позволяют уверенно отнести их к категории малых городов (например, станица Каневская в Краснодарском крае — крупнейший сельский населенный пункт России с численностью населения около 42 тыс. человек (Федеральная служба государственной статистики..., 2022)).

В настоящее время в России на федеральном уровне отсутствует единый набор параметров, определяющих то, к какому типу поселения относится населенный пункт (Фролова, 2016). Поскольку вопрос наделения поселения городским или сельским статусом решается в рамках законодательства конкретных субъектов на основе целей долгосрочного регионального планирования, появляются новые примеры городов с численностью населения ниже установленного регионом порогового значения. Так, например, основанный в 2012 году как перспективный университетский центр и официально открытый в 2015 году Иннополис (Татарстан) уже с момента открытия обладал статусом города, хотя численность его населения даже сейчас не достигает и 10 тыс. человек (Федеральная служба государственной статистики..., 2022). При этом, по законам Республики Татарстан, в отдельных случаях к городам могут быть отнесены населенные пункты с численностью населения менее 12 тыс. человек, но имеющие перспективу дальнейшего социально-экономического развития и роста численности населения³. Критерий перспективности населенного пункта является оценочным и сложно поддается законодательному определению (Соловьев, 2014), однако это не мешает региональным властям им пользоваться.

Во всех случаях законодательство субъектов предполагает разделение населенных пунктов на две крупные категории — городские и сельские. К сельским населенным пунктам, как правило, относятся те поселения, которые не подпадают под критерии городских и чье население «ведет сельский образ жизни» (Афанасьев, 2014). Такой подход соответствует дихотомической концепции, предполагающей противопоставление города и села. По нашему мнению, в случае России, расположенной на такой огромной природно- и социально-экономически разнородной территории, этот подход деструктивен, поскольку не учитывает наличия тех поселений, которые по всем своим параметрам находятся между этими

3. Закон Республики Татарстан от 07.12.2005 № 116-ЗРТ «Об административно-территориальном устройстве Республики Татарстан» (с изменениями и дополнениями)

двумя крайностями. Так, например, по Л. Б. Карачуриной, население страны в настоящее время делится на три не вполне равные части — городскую; городско-сельскую и сельско-городскую; преимущественно сельскую (Карачурина, 2012), однако такой подход не находит отклика в достаточно статичной и инерционной системе административно-территориального деления России.

За рубежом существуют «промежуточные» типы населенных пунктов, в которых проживает «переходное» население: в Финляндии, например, официальная статистика выделяет три группы муниципалитетов: городские, полугородские и сельские (Тюккюлайнен, Андреев, Пьянкова, 2008). В Индии существуют «переписные города» — населенные пункты, которые по результатам переписи населения признаются городами, однако не объявляются ими по закону правительством соответствующего штата (Mondal, Samanta, 2021). Эти поселения обладают «промежуточным между городским и сельским характером» (Samanta, 2014).

Такой подход укладывается в континуальную концепцию, согласно которой все населенные пункты располагаются на «оси урбанизованности» от «чисто городского» к «чисто сельскому» (Sorokin, Zimmerman, 1929). По мере продвижения по этой оси от «села» к «городу» возрастает людность, меняется структура занятости (уменьшается доля сельскохозяйственной, возрастает — промышленной, а затем — занятости в третичном секторе экономики), увеличиваются плотность и этажность застройки, улучшается обеспеченность инженерной инфраструктурой (водопроводом, канализацией, газо- и электроснабжением и т. д.).

Существует и теоретическая многомерная концепция, исходящая из понимания неодновременности смены разных черт поселений (Заславская, Рывкина, 1972). Главными ее критериями являются соотношение людности, выполняемых населенным пунктом функций, преобладающего типа застройки и в целом образа жизни. Например, типичный поселок при промышленном предприятии, как правило, имеет малую людность, но обладает городскими функциями, а поселок при свиноферме будет, напротив, обладать большой людностью и сельскохозяйственными функциями, сочетающимися с преимущественно городской застройкой.

В системе административно-территориального деления России⁴ существует разделение типов городских поселений на города и, обобщенно, поселки городского типа (хотя вариаций наименований несколько — как непосредственно пгт, так и рабочие поселки, городские поселки...; далее — пгт). Пгт как новый тип поселения был характерен только для социалистических стран.

4. Федеральный закон от 06.10.2003 № 131 «Об общих принципах местного самоуправления в Российской Федерации»

Появившись в 1920-х годах⁵, он отвечал ряду идеологических требований и социальных условий того исторического периода и в то же время, по мнению некоторых исследователей, стал преемником земледельческих поселений царской России — местечек, посадов и др. (Никифоров, Кузнецова, 2007). Пгт развивались как небольшие промышленные, транспортные, рекреационные центры, но условия жизни в них в основном оставались сельскими. Одним из наиболее ощутимых преимуществ для жителей пгт была возможность сохранять стабильную занятость на градообразующем предприятии и при этом заниматься личным подсобным хозяйством, иметь собственный дом, держать скот и, главное, обладать широким кругом близких контактов. Многие пгт, разрастаясь, впоследствии обретали городской статус. Этот плавно-закономерный процесс, при котором поселок постепенно отходит от своей сельскости, Г. М. Лаппо называл «вызреванием» городов (Лаппо, 1997).

В советское время статус пгт, переходный между сельским и городским, являлся желанным для большинства сел и на волне прорурбанистических административных преобразований воспринимался как шаг вперед. Сильнейший кризис 1990-х, однако, «развернул процесс вспять» (Нефедова, 2013а): многие пгт законодательно признавались сельскими населенными пунктами ради налоговых льгот, повышенных дотаций на коммунальные платежи и т. д., что приводило к фиктивной рурализации, притом что сами «новосельские» населенные пункты в основном не изменяли своего внешнего облика и, главное, образа жизни (Чучкалов, Алексеев, 2019).

Отдельного упоминания достойны поселковые центры муниципальных образований, которым, например, является исследуемый нами пгт Локоть. Не столь важно, к городскому или сельскому типу формально относится поселок: он в любом случае будет обладать центральными, городскими функциями (Нефедова, 2013а), что оказывает большое влияние на образ жизни местного населения. При этом, будучи поселком, такой населенный пункт, как правило, сохраняет многие свои сельские особенности, проявляющиеся не только во внешнем облике поселения (преимущественно индивидуальная жилая застройка, отсутствие центральной канализации, повсеместные огороды и др.), но и в жизненном укладе местного населения. Тем не менее степень формальной и фактической «сельскости» муниципальных центров меняется от региона к региону и сильно зависит от исторических и географических условий (Нефедова, 2013а).

5. Декрет ВЦИК и СНК РСФСР от 15.09.1924 № 73 «Общее положение о городских и сельских поселениях и поселках»

Нам бы сюда князя Романова вернуть и Сталина — тогда бы все крысы побежали.
(реплика ожидающего налива пива в локотском баре местного жителя)⁶

С. А. Самбулова,
А. И. Алексеев
Постсоветский
райцентр:
урбанизация или
рурализация?

Поселок городского типа Локоть, расположенный близ реки Неруссы при железнодорожной станции Брасово, — административный центр Брасовского муниципального района Брянской области. Расстояние до Брянска по прямой — 90 км (рис. 1).

Рисунок 1. Географическое положение пгт Локоть и Брасовского района Брянской области. Источник: составлено авторами

Первые документальные подтверждения о селениях на территории современного Брасовского района относятся к XV веку, первые упоминания о самом Локте (под названием «слобода Локотской Колодезь») встречаются в документах первой половины XVII века (Соколов, 2000).

Основным фактором, определившим историю развития поселка Локоть, являлось его периферийное географическое положение, нашедшее свое отражение даже в самом названии поселения, которое произошло от крутого изгиба дороги, связывавшей Севск и Кара-

6. Здесь и далее цитаты местных жителей приводятся анонимно, поскольку «некоторые не желают, чтобы их имя было».

чев, где и находился тогда еще хутор Локотской Колодезь (Соколов, 2000). Местность, где располагается Локоть, всегда отличалась богатством лесных массивов (рис. 2).

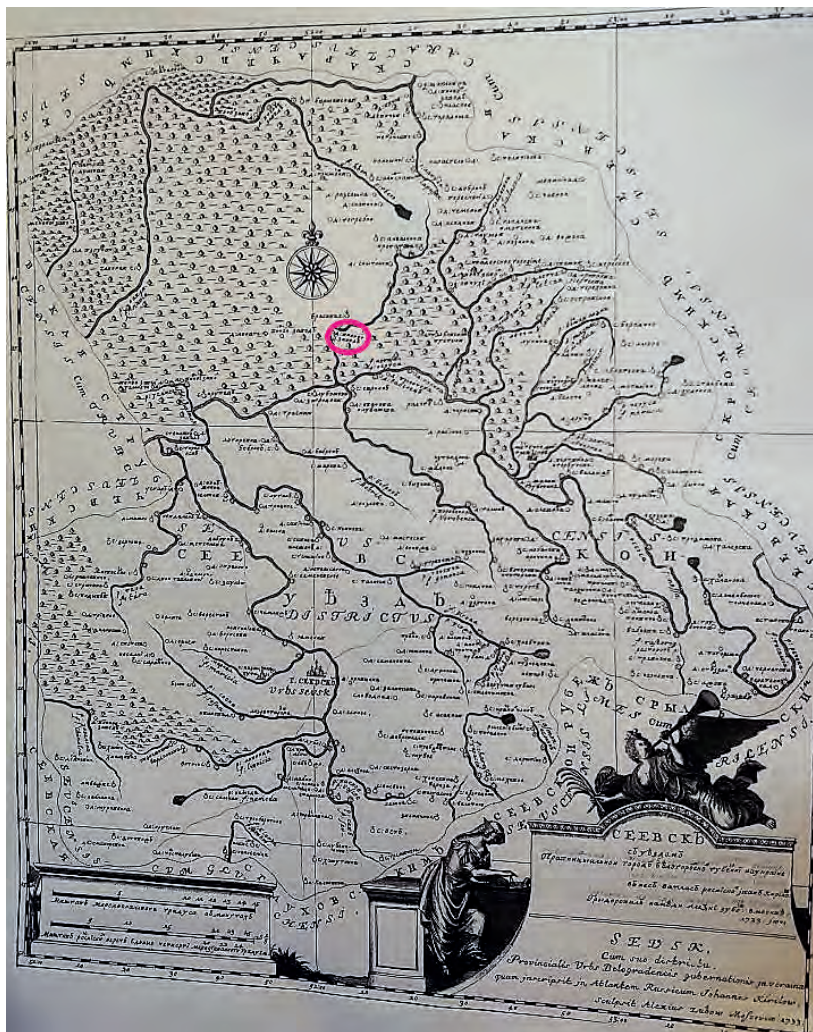

Рисунок 2. Локоть на карте Севского уезда, первая половина XVIII века. Источник: собрание МБУК Историко-краеведческий музей Брасовского района

С 1741 года Локоть, Брасово и другие селения были пожалованы видному военному и государственному деятелю С. Ф. Апраксину. По состоянию на конец XVII века «...самым крупным [в имении] было село Брасово». В одном из документов начала XVII века село даже называлось «городком», так как здесь имелся укрепленный острожек (Соколов, 2000). Поскольку Брасово «являлось хо-

рошим торговым местом», именно оно было избрано Апраксиными как центр имения (Осипов, Крижановская, 2011). Жившие на этих землях крестьяне, бывшие до того государственными, стали крепостными Апраксиных.

Потомки С. Ф. Апраксина уделяли большое внимание Брасовскому имению: при них в селе Брасово появились две фабрики — суконная и по производству скатертей и салфеток из полотна. Также действовали три крупных винокуренных завода, в том числе и в хуторе Локоть, где также были построены помещения для лошадей английской и русской пород (Соколов, 2000). Тогда же в имении появились первые лесопилки.

К концу XVIII века Брасовское имение было многоотраслевым хозяйством, из которого владелец и его управители «пытались получить как можно больше доходов» (Крашенинников, 2008). Это приводило к росту социальной напряженности. Несколько месяцев в 1795–1796 годах отказывались признать власть Апраксиных работавшие на стекольном заводе в деревне Шемякиной Гуте украинские семьи, которые раньше были свободными, а затем, как жившие на помещичьих землях, записаны апраксинскими крепостными (Крашенинников, 2008). С конца декабря 1796 года до середины февраля 1797 года продолжалось наиболее значительное по масштабам крестьянское восстание с участием крепостных всех апраксинских селений брасовской округи, которое обычно называют восстанием Емельяна Чернодыра (Осипов, Крижановская, 2011). Центром восстания было село Брасово.

В 1861 году в имении Апраксиных вновь начались волнения (центром которых вновь стало Брасово), однако они были предотвращены войсками, спешно прибывшими из Севска. Тем не менее Апраксины, опасаясь возможных в будущем восстаний, перевели свою главную контору из села Брасово в хутор Локоть, где «лесные поляны стали площадями, а лесные тропинки — улицами» (Осипов, Крижановская, 2011).

Несмотря на крестьянские волнения, начиная с XVIII века были заложены основы специализации поселка Локоть, в разном виде сохранившиеся до нашего времени, а одно из последних восстаний — перенос центра имения из Брасово в Локоть — в какой-то мере предопределило будущий центральный статус Локтя, который он получил, правда, более чем через 100 лет.

В 1880-х хозяевами Брасовского имения стали князья Романовы, при которых там были построены маслобойные, винокуренные заводы, появилась телефонная линия. Но главное — в 1896 году было открыто постоянное движение поездов по линии Брянск — Льгов (станция Брасово, расположенная в Локте, открыта тогда же, рис. 3), позволившее на регулярной основе и вне зависимости от погодных условий повысить транспортную связность поселка (Осипов, Крижановская, 2011).

Рисунок 3. Паровоз на станции Брасово, лето 1914 г. Источник: собрание МБУК Историко-краеведческий музей Брасовского района

В 1914 году на базе небольших ремонтных мастерских в Локте был основан чугунолитейный завод, который стал специализироваться на изготовлении корпусов артиллерийских снарядов и других военных заказов⁷.

После Революции на базе конного завода создан совхоз, впоследствии переименованный в конезавод № 17. Чугунолитейный (механический) завод стал выпускать прицепы для машин, используемых в лесной и деревообрабатывающей промышленности (Крашенинников, 2008), появился лесопильный завод. Позднее на базе этого предприятия, уже тогда работавшего в три смены⁸, возник мебельный комбинат. В итоге в 1930-х в поселке, помимо механического завода, работали пенькозавод, райпромкомбинат, спиртзавод, маслозавод. В 1923 году в Локте открылся техникум, осуществлявший набор на два отделения: лесное и сельскохозяйственное.

В 1936 году центр образованного в 1929 году Брасовского района Западной области был перенесен из Брасово в Локоть⁹, а в 1938 году Локоть, уже находясь в составе Орловской области, получил статус рабочего поселка.

7. По данным из предоставленной МБУК Локотская межпоселенческая библиотека им. Родичева рукописи об истории Брасовского станкостроительного завода, 1967.

8. Брасовская мебельная: вехи истории // Наш край. Брянск, 2006.

9. Постановление Президиума ВЦИК от 14.01.1929 № 46

В начале октября 1941 года поселок оказался захвачен фашистскими оккупантами и стал центром созданного германской администрацией крупного округа, в который входили Брасовский, Комаричский, Севский, Суземский, Навлинский, Дмитровский и ряд других районов Орловской и Курской областей (рис. 4). Округ создавался как барьер против партизанских сил, действовавших в южной части брянского леса. По замыслам гитлеровцев, он должен был стать образцом административного деления оккупированных областей (Соколов, 2000).

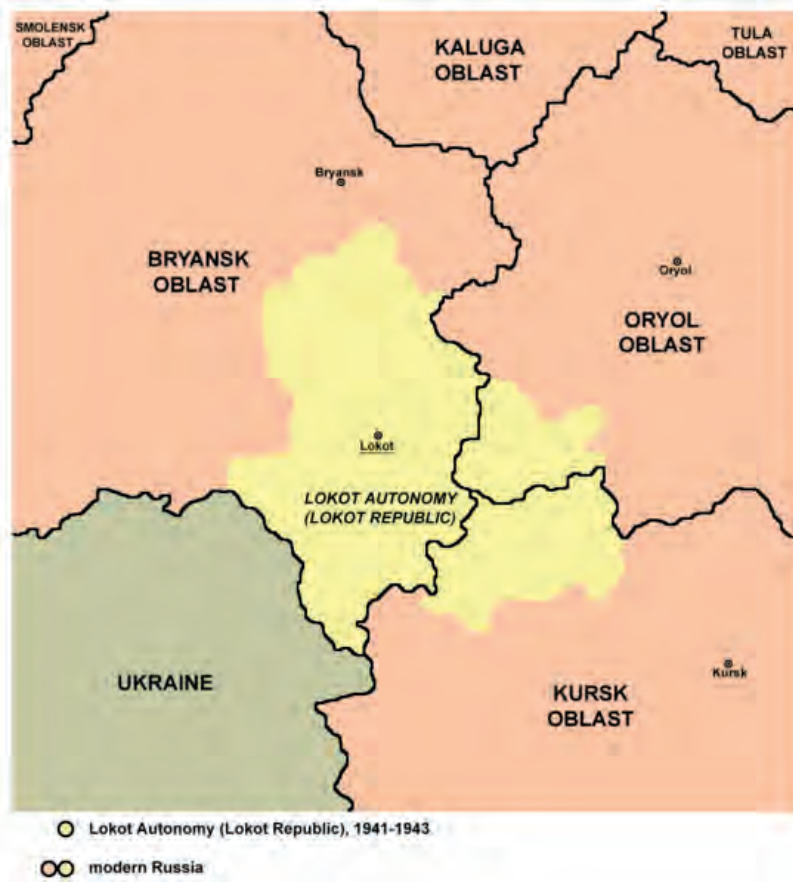

Рисунок 4. Границы Локотской республики в современном административно-территориальном делении. Источник: Володин, 2013

К лету 1942 года в Локте — центре Локотской республики — была оборудована тюрьма на территории конезавода, в которой одновременно содержалось от 200 до 350 человек. Именно там расстреливала локотчан печально известная Тонька-пулеметчица. По разным данным, на ее совести более 1500 смертей ни в чем не повинных жителей поселка (Полонский, 2019). Взрослые локотчане, по понятным причи-

нам, не хотят вспоминать эти события: «...а кто расстреливал? Москвичи приезжают, мол, покажите нам места расстрела. А я говорю: чего вы к нам едете? Идите в Москву, откуда она [Тонька] родом». Тем не менее еще в середине 2000-х местные подростки пугали маленьких детей, игравших в поселковой дубовой роще, что если они убегут слишком далеко, то их «Тонька расстреляет».

Отступая, фашисты нанесли поселку и району огромный ущерб, но «после войны Локоть родился заново» (Осипов, Крижановская, 2011): на месте механического со временем был построен более крупный Брасовский станкостроительный (машиностроительный) завод, восстановлены мебельный комбинат, деревообрабатывающий, кирпичный, спиртовой заводы, хлебокомбинат, сырзавод и другие предприятия.

В период до распада СССР Локоть развивался как промышленный центр локального значения: появилась нефтебаза, открывались магазины, культурно-досуговые учреждения, наращивалось производство на существующих предприятиях. Укреплялись транспортные связи Локтя с соседними районами Брянской области и Украинской ССР.

Кризис 1990-х годов сильно ударил по поселку. Вот что писала местная газета «Вестник» о ситуации на машиностроительном заводе в 1996 году¹⁰: «...на первое место [по производству] вышла продукция деревообработки — мебель, обрезной и необрезной пиломатериал, облицовочная дощечка, штакетник, горбыль, дрова. <...> Нет денег и на техническое перевооружение завода <...> Задолженность по заработной плате достигла 4–5 месяцев <...> можно сказать, на голом энтузиазме работают люди».

А вот что та же газета тогда же писала о ситуации на мебельной фабрике¹¹: «В целом коллектив сохранить удалось, но без небольшого сокращения все же не обошлось. Нынче на фабрике 800 работников. Зарплата? Очень небольшая. <...> Положение ухудшается <...> Производственные мощности задействуем только на 50%, чаще и вовсе простаиваем по неделе и больше. <...> Почти не растут доходы населения, основного потребителя фабричной продукции. К тому же неподъемные цены на сырье, электроэнергию, транспортные услуги, налоги...».

Локотской спиртзавод также переживал не лучшие времена¹²: «Не имея на счету денег, спиртзавод за свой заказ с АО «Брасовомашизавод» рассчитался... водкой. <...> Возмущались многие жены работников завода таким видом расчета, а отдельные своих кормильцев сдали в вытрезвитель».

В 2000-х экономическая ситуация в поселке стала меняться в лучшую сторону, однако к концу десятилетия окончательно пришли в упадок основные промышленные предприятия. Новый виток

10. Специализация изменилась. Надолго ли? // Вестник. Брянск, 1996.

11. Подъем со знаком минус: социально-экономическое положение района за 1995 год // Вестник. Брянск, 1996.

12. Зарплата... водкой // Вестник. Брянск, 1996.

экономического роста произошел в 2010-х, и связан он с возрождением местного сельского хозяйства.

По состоянию на 01.01.2021 население поселка составляет 8469 человек (рис. 5).

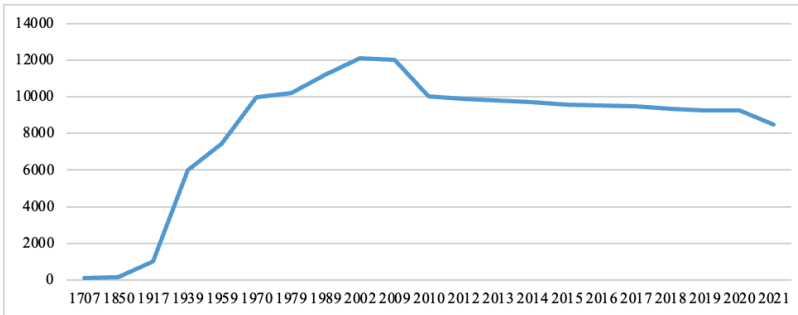

Рисунок 5. Численность населения пгт Локоть¹³. Источники: Соколов, 2000; Крашенинников, 2008; Федеральная служба государственной статистики..., 2022; Demoscope Weekly, 2014

Максимальной численности населения за всю историю поселок достиг к 2002 году (скорее всего, это связано с последствиями кризиса, проявившимися в вымывании населения из прилегающих сел и деревень) — тогда там проживали 12 094 человека (Федеральная служба государственной статистики..., 2022). С тех пор население Локтя убывает. По оценкам администрации Брасовского района, доля трудоспособного населения в общей численности составляет около 56%.

Внешний облик

Рассмотрим подробнее, как выглядит поселок и, главное, как его территория используется местным населением (рис. 6).

Наибольшая часть территории поселка относится к типу индивидуальной жилой застройки, тогда как ареал многоквартирной жилой застройки небольшой и сосредоточен в самом его центре. Если рассматривать преимущественный тип застройки как индикатор урбанизированности/руральности, то рисунок 6 демонстрирует высокую степень «сельскости» Локтя. Более того, если говорить о «бытовой урбанизации» (Карачурина, 2012; Нефедова, 2013b), связанной с оснащенностью жилья «городскими» коммуникациями (канализацией, водопроводом, горячим водоснабжением), делающими проживание более комфортным, то можно утверждать, что в городских условиях проживает не более 35% населения поселка. Так, по данным администрации Брасовского района, количество многоквартирных домов в Локте —

13. Данные на 1707 г. представлены в душах мужского пола.

107 штук, все они электрифицированы, газифицированы, обеспечены канализацией, большая часть — и центральным отоплением. Жители же индивидуальных жилых домов из составляющих «бытовой урбанизации» обеспечены лишь центральным газоснабжением.

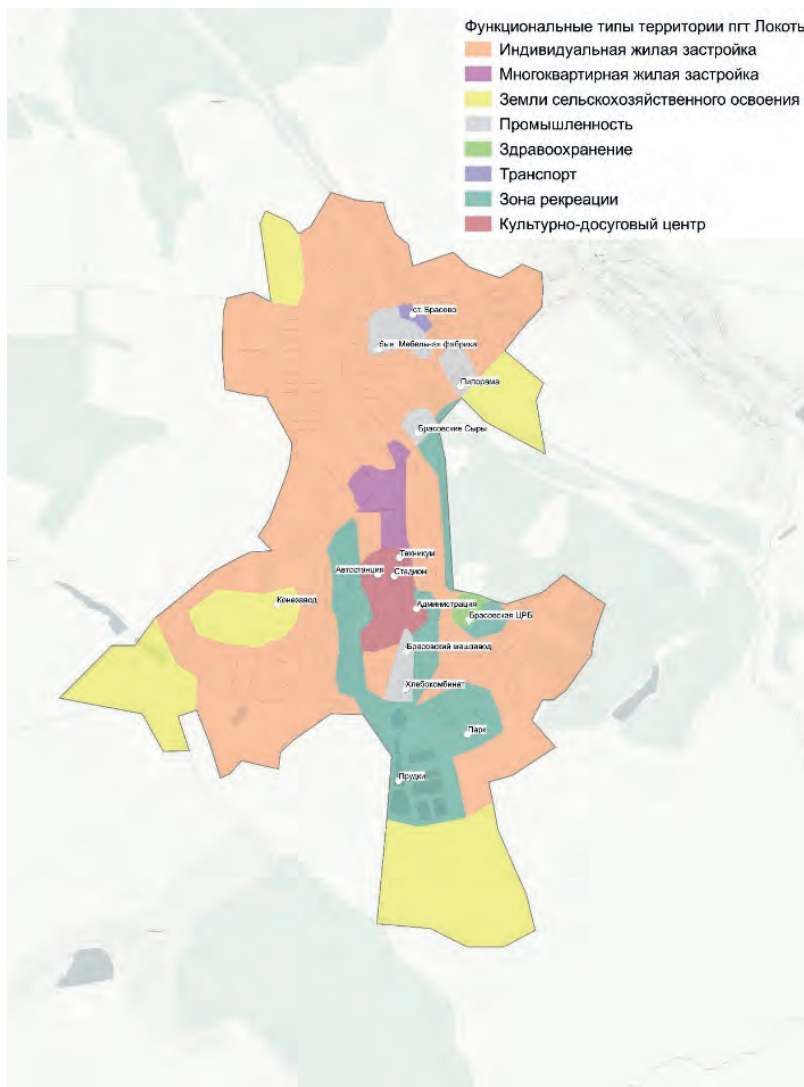

Рисунок 6. Функциональные типы территории пгт Локоть. Источник: составлено авторами

Интересно «приглядеться» и к самим многоквартирным домам (рис. 7). Как правило, это двухэтажные здания на 2–3 подъезда (двери в которые никогда не запираются), окруженные огородами.

Рисунок 7. Огороды у многоквартирных домов по проспекту Ленина. Локоть, июль 2022 г. Источник: фото авторов

Такие дома, по мнению Т. Г. Нефедовой, следует считать «псевдогородскими»: они «окружены огородами, а порой и сараями со скотиной и стогами сена» (Нефедова, 2013а), и выступают маркером «города в деревне» (Нефедова, 2013б). Интересно, что локотские «псевдогородские» дома за прошедшие с момента распада Советского Союза годы стали менее «псевдо-»: от ранее широко распространенных сараев со скотом, окружавших практически все многоквартирные дома, остались лишь покосившиеся строения: *«скотину держать теперь экономически невыгодно»*.

А вот во владении собственным огородом выгода есть, и именно поэтому, по примерным оценкам, около 90% домохозяйств поселка имеет свой огород и зачастую не один. Например, житель многоквартирного дома может владеть небольшой частью огорода прямо под окнами своей квартиры, как на рисунке 7, но при этом иметь еще один, «настоящий», находящийся ближе к окраине поселка и отличающийся более широким ассортиментом выращиваемых культур. Здесь действительно заметна географическая дифференциация: если говорить об огородах у многоквартирных домов, то чем дальше от центральной улицы — проспекта Ленина — тем шире разнообразие выращиваемых на них культур. То же самое прослеживается и для огородов у индивидуальных жилых домов: чем дальше от центра — тем больше культур выращивается, тем крупнее теплицы и тем больше скота. Однако домашняя птица на самовыгуле (преимущественно — куры, иногда индюки, редко — гуси) встречается даже в самом центре поселка (рис. 8).

Таким образом, ареалом самовыгула домашней птицы, по сути, является весь поселок, за исключением территорий, непосредственно прилегающих и относящихся к железнодорожной станции, промышленным предприятиям и парку. Но стоит отметить, что и здесь поселок понемногу уходит от своей «сельскости»: в советские годы,

по воспоминаниям местных жителей, был широко распространен самовыгул коз и коров (а теперь — «одна корова на весь Локоть»), а в честь последних в 1930–1940-е годы даже носила свое название улица Маркова на южной окраине поселка: на топографических картах того времени она отмечалась как «Коровья аллея».

Рисунок 8. Куры на самовыгуле на территории техникума. Локоть, июль 2022 г.
Источник: фото авторов

В качестве другого маркера урбанизированности/руральности, который виден невооруженным глазом, может выступать доступность и объем потребляемых населением услуг (Карачурина, 2012; Рывкина, 1979). Так, для Локтя характерно наличие широкого спектра услуг, не только давно распространенных в крупных городах, но и появившихся там массово в последние несколько лет (во многом — силами уроженцев поселка, которые провели некоторое время в городах, но вернулись на родину). В первую очередь это относится как к доставкам еды, которых в поселке за последние два года появилось сразу несколько (рис. 9), так и к пунктам выдачи крупных маркетплейсов (рис. 10), которых на территории поселка находится 4 штуки. Именно они понемногу избавляют местное население от необходимости ездить на шопинг в областной центр, как это было широко распространено еще пять лет назад. Конечно, в Брянск ездят за покупками, но в настоящий момент — это скорее форма досуга, а не вынужденная необходимость. Отпала необходимость ездить в Брянск и за косметическими процедурами: «*И шугаринг, и ностевой сервис, и ресницы, и брови, и чего у нас только нет. Если раньше все ограничивалось — сапожник, портной, то сейчас эта сфера очень активно развивается и с новыми видами услуг... И солярий, и эпиляцию — что угодно. И это не один мастер, выбор есть. Даже в Погребях есть ноготочки. В Чалянке нет, в Турищево тоже нет... и вот они ради этих целей могут приехать в Локоть*».

С. А. Самбура,
А. И. Алексеев
Постсоветский
райцентр:
урбанизация или
рурализация?

Рисунок 9. Кафе «Наша пицца», работающее в том числе на доставку по поселку Локоть, июль 2022 г. Источник: фото авторов

Рисунок 10. Пункты выдачи Ozon и Wildberries, а также местный транспорт. Локоть, июль 2022 г. Источник: фото авторов

К признакам урбанизированности необходимо отнести и широкое присутствие федерального ритейла: «Магнит», «Пятерочка», Fix Price и «Светофор» не только активно вытесняют местных частных, но и предоставляют локотчанам рабочие места. Ранее крупный и живой, отличавшийся бойкой торговлей, сегодня локотский рынок представляет собой достаточно ироничное зрелище: рядом с «Магнит-косметик» и Fix Price стоят одинокие ларьки, продающие тот же самый ассортимент (*«Здесь отошел рынок... здесь уже нет рын-*

ка вещевого... раньше рынок был огромный — одежда, обувь, куртки...»). Конечно, бабушки, торгующие овощами и ягодами, нигде не исчезли, но вот местные продуктовые и хозяйственные магазины за последние 10–15 лет сильно потеряли свои позиции.

Занятость населения

Основные места работы в Локте в настоящее время — сельскохозяйственные предприятия и сфера услуг (табл. 1).

Таблица 1. Численность занятых на основных предприятиях, предоставляющих локотчанам рабочие места¹⁴

Предприятие	Сфера деятельности	Численность занятых, 2022, чел.
АПХ «Охотно»	Сельское хозяйство	Более 1000 ¹⁵
ООО «Брасовские сыры»	Пищевая промышленность	270
ООО «Сельхозник»	Сельское хозяйство	268
ГБУЗ «Брасовская ЦРБ»	Здравоохранение	246 ¹⁶
ЛСШ № 1-3, дошкольные образовательные учреждения	Образование	147 ¹⁷
Брасовское районное потребительское общество	Торговля	68
ООО «Брасовский машзавод»	Обрабатывающая промышленность	58
Брасовский ДРСУч АО «Брянскавтодор»	Строительство автодорог	47
ООО «Локотской конный завод»	Сельское хозяйство	29
ООО «Хлебокомбинат»	Пищевая промышленность	28
ИТОГО		2161

Источники: данные отдела экономики, торговли и бытовых услуг администрации Брасовского района и др.¹⁸

14. На большинстве представленных в таблице предприятий заняты преимущественно локотчане, однако точную долю «иногородних» на них вычислить невозможно.
15. По данным АПХ «Охотно».
16. По данным ГБУЗ «Брасовская ЦРБ».
17. По данным отдела образования администрации Брасовского района.
18. Данные по количеству работающих на пиломатериалах, а также в розничной торговле не были предоставлены ни организациями, ни органами местного самоуправления.

Наиболее известным предприятием поселка является конезавод: и простые локотчане, и представители администрации, и приехавшие на лето отдохнуть к родственникам люди обязательно о нем упоминают в разговоре едва ли не в первую очередь. Даже знаменитый русский географ В. П. Семенов-Тянь-Шанский особенно выделял конезавод из всего, что было в Локте: «Здесь есть опытное поле, прекрасный конезавод, два винокуренных завода, маслобойня, льноперерабатывающее заведение, лесопилльни в разных местах обширной лесной дачи...» (Соколов, 2000).

Другие предприятия — мебельная фабрика, машзавод и спиртзавод — так же, как и конезавод, являвшиеся символами поселка и формировавшие ядро его экономической специализации (табл. 2), с середины 2000-х либо не функционируют, либо находятся на грани закрытия («Фабрики нет, завода нет, спиртзавод закрыт...»).

Таблица 2. Основные отрасли экономической специализации пгт Локоть по годам

Отрасль специализации	Год															
	1790	1808	1880	1900	1914	1920	1930	1940	1950	1960	1970	1980	1990	2000	2010	2020
Коневодство																
Деревообработка																
Маслосыроделие																
Производство спирта																
Текстильная промышленность																
Машиностроение																
Хранение нефти																

Источник: Крашенинников, 2008; Соколов, 2000; Осипов, Крижановская, 2011; данные отдела экономики, торговли и бытовых услуг администрации Брасовского района.

Несмотря на то что в таблице 1 все же упоминается ООО «Брасовский машзавод», в настоящее время он практически не функционирует по изначальному профилю и остается на плаву лишь благодаря небольшим частным заказам. Если посмотреть на то, сколько человек было занято на заводе в разные годы, то можно понять, почему в сознании локотчан он уже не работает. Та же ситуация и с мебельной фабрикой (рис. 11).

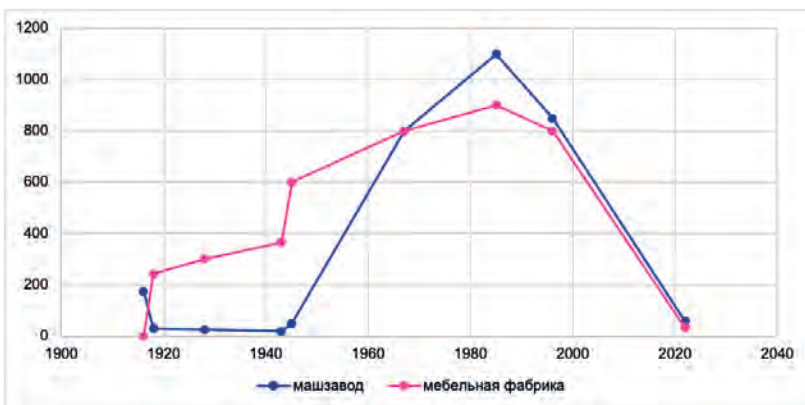

Рисунок 11. Примерная численность занятых на машзаводе и мебельной фабрике. Источник: данные отдела экономики, торговли и бытовых услуг администрации Брасовского района, архивные публикации газеты «Вестник»

Ныне закрытые или находящиеся в глубоком упадке, в советский период машзавод, мебельная фабрика и спиртзавод были градообразующими, предоставляли суммарно большее количество рабочих мест, чем все предприятия, перечисленные в таблице 1, и даже определяли ритмы жизни поселка (Димке, Корюхина, 2012). По воспоминаниям местных жителей старшего возраста, «...на машзаводе был гудок, который к началу обеда срабатывал. И все, и на площади не протолкнуться было! С 12 до 13 народ на обед шел — кто в столовую, кто домой. А теперь что?..»

Что касается мебельной фабрики, у некоторых локотчан в домах или на рабочих местах до сих пор сохраняются столы, стулья, кровати и тумбочки, сделанные в Локте, и об этом факте авторам сообщали с нескрываемыми гордостью и грустью. Таким образом, фактическое прекращение деятельности градообразующих предприятий стало для локотчан потрясением, поскольку, во-первых, привело к необходимости искать работу за пределами поселка и, во-вторых, лишило не только экономической, но и, можно сказать, духовной стабильности, осознания того, что в рабочем поселке есть Завод.

В 2019 году, однако, была предпринята попытка открыть спиртзавод: «*Был у нас спиртзавод с царских времён, потом в 90-х закрыли... Потом открыли ненадолго, люди обрадовались, одна женщина даже из магазина уволиться хотела, чтобы туда устроиться... ну, зарплаты хорошие. А потом он год проработал и закрылся, людей распустили, все расстроились.*»

Остановка заводов, повлекшая значительные масштабы не пространенного до этого отходничества¹⁹ («*Молодежь теперь 2*

19. Отходничество, по словам специалистов администрации Брасовского района, статистически никак не отслеживается: «*А как это учесть? Не пред-*

недели в Москве работает, а тут бухает»), в середине 2010-х в некоторой мере компенсировалась появлением крупных сельскохозяйственных предприятий районного и регионального масштабов. В настоящий момент в Локте и его окрестностях функционируют ООО «Сельхозник» (выращивание плодовых, зерновых, зернобобовых, масличных культур и картофеля, а также разведение крупного рогатого скота молочного направления) и АПХ «Охотно» (производство и продажа зерна, картофеля и овощей, изготовление высококачественных комбикормов, свиноводство, мясопереработка и производство мясных продуктов, производство молока).

ООО «Сельхозник» — крупнейшее сельскохозяйственное предприятие Брасовского района. Оно зарегистрировано в Локте и принимает активное участие в жизни поселка, занимаясь благоустройством территорий общего пользования и работой с подрастающим поколением. Несколько лет назад предприятие провело ремонт в помещениях и на территории конезавода, однако локотчане восприняли это настороженно: *«Пришел [на завод] начальник-сельхозник, ему лошади неинтересны, кони стали дожидаться»*. Кроме того, «Сельхозник» способствовал хоть и кратковременному, но возобновлению работы спиртзавода, поскольку сам спирт производился на их сырье.

Агрохолдинг «Охотно» — одно из крупнейших предприятий Брянской области, занимающихся смешанным сельским хозяйством. Место регистрации агрохолдинга — село Госома Брянского района, однако деятельность «Охотно» ведет на территории всей области. В Брасовском районе основное производство располагается близ села Брасово. Несмотря на то что «Охотно» — крупнейший внутренний работодатель для локотчан и брасовцев, его деятельность зачастую подвергается критике местного населения. Так, например, брасовцы жалуются на загрязнение окружающей среды: *«Холдинг «Охотно» всё вокруг засыпает отходами. Машину припорошило, белье после стирки высушить невозможно, дышим тоже этим. Плюс шум, распространяющийся на протяжении многих лет на все Брасово. Наши дети круглые сутки этим дышат и живут. Нахождение данного предприятия вблизи жилого массива населенного пункта изначально было нежелательно. К сожалению, бьем тревогу безрезультатно»* (Локоть-инфо, 2022). А сныткинцы — на то, что грузовики агрохолдинга разрушают дорожное покрытие. Такие негативные оценки деятельности агрохолдинга можно объяснить тем, что «Охотно» — бизнес крупный и неместный, следовательно,

С. А. Самбурова,
А. И. Алексеев
Постсоветский
райцентр:
урбанизация или
рурализация?

ставляю, кто может вести эти данные». Теоретически на уровне поселений примерные цифры можно подсчитать в период выборов: «этого нет — в Москву уехал».

но, у него нет мотивации каким-либо образом заботиться о территориях присутствия.

В то же время оба сельскохозяйственных предприятия предоставляют локотчанам рабочие места с конкурентной заработной платой, организуют развозку работников, в некоторых случаях — предоставляют жилье, обеспечивают льготным питанием, ежегодным бесплатным санаторно-курортным лечением. Поэтому, несмотря на смену ядра экономической специализации с «престижной» (и городской) промышленной на «непрестижную» сельскохозяйственную («*Был промышленный поселок — стал сельский*»), в целом местным населением агрохолдинги воспринимаются скорее положительно, поскольку они создают рабочие места, а значит, дают шанс остаться работать в поселке, никуда не уезжая: «*Сельское хозяйство последние пару лет поднялось, в советское время было хорошее, в 1990-е заглохло, сейчас агрохолдинги пошли, создают рабочие места... В этом плане чуть лучше*».

Причем сейчас действительно лучше, чем, по крайней мере, 10 лет назад. Вот что отвечает на вопрос о том, почему она после школы уехала в Брянск и не вернулась, 28-летняя уроженка Локтя: «*Там больше возможностей по работе. Здесь на работу куда — в магазин в «Пятерку»? Маслозавода тогда не было, спиртзавода тоже, выбор вакансий небольшой... Первое место куда устроилась в Брянске — в банк, кредитный специалист, хороший старт, по специальности, и платят нормально*».

Низким доходом для Локтя считается МРОТ²⁰, который получают, например, на почте, рядовые работники культуры, образования и рабочие на пилорамах. Зарплата, которую хотели бы получать локотчане, будучи занятыми на поселковых предприятиях, — около 40–50 тыс. руб., но в целом приемлемым считается уровень дохода минимум в 30 тыс. руб.: «*Работы внутри поселка мало... 30 тысяч — достойные деньги, можно и кредит платить*». «Достойную» зарплату, по словам местных жителей, можно получить на «Брасовских сырах», но вакансий там хоть и много, но недостаточно для всех желающих. Вообще практически все жители поселка, с которыми удалось пообщаться, говорили о недостатке работы внутри поселка:

- «*Нормальных вакансий нет, кроме «Пятерочки», «Дикси» и «Магнита»...*».
- «*Именно жить здесь хорошо, но зарабатывать нечего*».
- «*Рассказывают они [в районной администрации] хорошо, но работать тут негде*».

20. Минимальный размер оплаты труда.

Еще одним обстоятельством, характерным для небольших населенных пунктов и усложняющим поиск работы, является широко распространенный блат: *«Здесь все рабочие места заняты с советских времен... если нет нигде знакомых, то тебя никто никуда не посадит... Работал-работал-работал человек в соцзащите, начальница ушла, его передвинули на ее место, а он знакомого пригласил на свое место».*

Таким образом, можно констатировать, что неразвитость локотского рынка труда (вакансий — немного, платят — немного, хорошие места занимают «свои люди») продолжает стимулировать начавшийся в 2000-е годы с закрытием градообразующих предприятий отход населения в города, где оно занято в основном на низкоквалифицированных должностях в перевозках или охране. Внутри поселка трудоспособное население, ранее работавшее на заводах, «перераспределилось» между сельским хозяйством и сферой услуг; доля промышленной занятости остается, в сравнении с ними, незначительной. Такое распределение занятости в большей степени характерно для сельской местности, а не городской (Калугина, 2012), которой формально является Локоть.

Мобильность и миграция

Основная особенность пространственной мобильности жителей Локтя — ее вынужденно-интенсивный характер. Несмотря на то что повсеместно распространены поездки в Брянск и Москву (как правило, на учебу или работу, хотя в случае Брянска среди основных целей добавляются досуг и поездки на лечение), также широко развиты поездки и в соседние населенные пункты (рис. 12). Однако цели этих поездок — бытовые и именно потому вынужденные, что Локоть, являясь районным центром, уже не обладает достаточным уровнем необходимой инфраструктуры.

Так, местные жители рассказывали о том, что для того, чтобы поставить на учет автомобиль, нужно ехать в Трубчевск, при необходимости посещения военкомата — в Комаричи. Местное население достаточно закредитовано (*«Кредиты, наверное, почти все берут... Я вот, почтальон, не могу назвать, у кого нет кредита, у всех есть»*), но, поскольку в Локте присутствует только Сбербанк, в поисках более выгодных условий займа локотчане вынуждены ехать в те ближайшие населенные пункты, где есть и другие банки: *«То же самое с ипотекой — кроме Сбера, здесь нету ничего, хотя сельскую ипотеку дает Россельхоз... и еще какой-то, не помню... то есть из трех ты можешь выбрать только один или ехать в Брянск в Россельхоз оформлять».*

ности от Локтя, которые обучаются в местном техникуме, вынуждены жить в общежитии, поскольку не имеют возможности ежедневно уезжать домой после учебы на общественном транспорте.

Вполне логичным в условиях отсутствия регулярной и устойчивой работы местного общественного транспорта является то, что его роль в какой-то мере играет такси. Это подтверждается в том числе тем, что локотчане, не имеющие автомобиля, рассказывая о своих передвижениях, сразу закладывают время и деньги на поездку на такси — до станции или отдаленной части поселка.

В Локте базируются целых три оператора такси, вызвать которые можно по телефону, а цена поездок на самых популярных направлениях фиксирована; также в поселок иногда заезжают и водители из «Яндекс Go» (*«Если кто-то доедет сюда... очень долго машину ждать, проще местных»*). Однако такая высокая обеспеченность такси, нетипичная для большинства поселков, компенсируется низким уровнем сервиса: *«[Тяжело] тут звонить в такси: номера неправильные, операторы невежливые, трубки не берут, в одном такси можно заказать заранее на время, в другом нет»*.

Таким образом, в настоящее время при отсутствии собственного автомобиля жизнь локотчан сильно усложняется. По словам представителей администрации, которые в целом совпадают с результатами полевых наблюдений, на одну семью в Локте приходится 1,5 автомобиля, и эта цифра за последние 20–30 лет только возросла, что логично, учитывая сильное сокращение количества и качества контактов, обеспечиваемых общественным транспортом, произошедшее за последние десятилетия.

Так, еще в конце 1980-х Локоть был связан железнодорожным транспортом дальнего следования с территориями европейской части СССР от Баренцева до Черного моря (рис. 13).

Тогда местные жители активно пользовались поездами не только для длительных поездок, но и даже для повседневных нужд. Локотчане старшего возраста вспоминают, что раньше часто ездили на рынок в Харьков: *«...ночью сел в поезд, днем закупились там на рынке, следующим утром приехал»*.

География маршрутов автобусного сообщения в советский период также отличалась широтой: из Локтя прямым рейсом можно было уехать не только в населенные пункты Брасовского района, но и в Комаричи, Навлю, Севск, Курск, Белгород и другие города, а количество отправок в сутки значительно превышало современные показатели (рис. 14).

Распад СССР и последующий кризис отрицательно повлияли на работу автобусного и железнодорожного транспорта, что привело к разрушению сформировавшихся десятилетиями пространственных связей. По воспоминаниям местных жителей, *«первые звоночки*

пошли, когда развалился СССР, ж.-д. пути начали разбираться, ведущие на Украину». На текущий момент, как уже упоминалось выше, железнодорожные связи сохранились только с населенными пунктами Брянской области (частотой не более трех пар поездов в сутки). Перспективы возобновления дальнего железнодорожного сообщения в Брасовском районе в настоящее время крайне туманны.

Рисунок 13. Железнодорожные связи Локтя с населенными пунктами СССР и России. Источник: данные архива МБУК Локотской межпоселенческой библиотеки им. Родичева; Расписание пригородного и междугородного транспорта, 2022; Яндекс.Карты..., 2022

Автобусное сообщение также ощутимо пострадало в кризисные годы. Вот что писала местная пресса в 1996 году²¹: «Пассажирооборот транспорта общего пользования составил 13 млн пассажиро-километров и уменьшился к уровню 1994 года на 13%. <...> Пассажирский автотранспорт дотируется из областного бюджета. Дотации поступали нерегулярно и не в полном объеме покрывали убытки. Несмотря на это, в 1995 году все автобусные маршруты были сохранены». Однако уже в 1996 году часть маршрутов местного сообщения была сокращена (рис. 14).

21. Подъем со знаком минус. Социально-экономическое положение района за 1995 год // Вестник. Брянск, 1996.

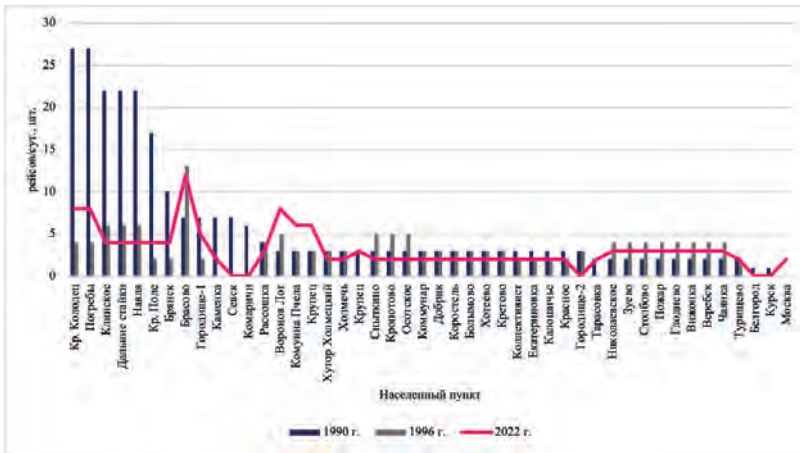

Рисунок 14. География и количество автобусных отправок из пгт Локоть. Источник: данные архива МБУК Локотской межпоселенческой библиотеки им. Родичева; Расписание пригородного и междугородного транспорта, 2022; Яндекс. Карты..., 2022

Таким образом, и на железнодорожном, и на местном автобусном транспорте в период после распада СССР произошло мощное сжатие транспортных контактов, приведшее к сильному сокращению количества и качества доступных для населения поселка маршрутов. Однако один новый контакт, обусловленный закрытием градообразующих предприятий Локтя и, как следствие, отходничеством местного населения (см. выше), все же появился — Москва. Теперь туда ежедневно курсирует прямой автобус, и ценообразование на поездки на нем формируется с учетом вахты (табл. 3).

Таблица 3. Расписание и стоимость проезда на автобусе Локоть — Москва, 2022 г. Источник: данные Локотской автостанции

Время отправления	13:20
	23:20
Стоимость проезда	
Вахтовые дни	1000 руб.
Праздники	
Воскресенье	
В остальные дни	800 руб.

Однако несмотря на нестабильную работу в настоящее время местного общественного транспорта, Локоть все еще остается важным локальным транспортным узлом. Это обусловлено в первую очередь административным статусом поселка: жители сельских

населенных пунктов Брасовского района по-прежнему активно ездят в райцентр, где они работают, лечатся, посещают культурно-досуговые учреждения и салоны красоты. По словам главы Сныткинского сельского поселения, местные жители, как правило, работают в Локте («в округе»), Брянске и Москве («на дежурстве»), поскольку в том же Сныткино магазины есть, «а все остальное — в Локоть». Такие же особенности пространственной мобильности характерны и для жителей других сельских населенных пунктов Брасовского района. Так, среди работников и участников коллективов локотского Дома культуры, в свою очередь, немало жителей соседних сел и деревень (Погребы, Красный Колодец, Каменка), которые регулярно приезжают в Локоть на работу или на репетиции.

Ситуация, в которой Локоть как райцентр притягивает к себе сельское население, достаточно типична и не вызывает удивления, однако в некоторых случаях поселок может выступать и центром притяжения субрегионального уровня. Так, по словам работников местного Дома культуры, в недавно отремонтированный и оснащенный самым современным оборудованием локотской кинотеатр приезжают в том числе жители Комаричей и Навли — то есть центров двух соседних районов. Они приводят такие аргументы:

1. Добираться до Локтя проще и дешевле, чем до Брянска (в первую очередь все отмечают, что на такую поездку затрачивается намного меньше бензина).
2. Уровень сервиса и интереса — «такие же, как в Брянске».
3. Цены в Локте на кино в разы дешевле, притом что в настоящее время и качество, и актуальность фильмов, которые показывают в Локте, аналогичны Брянску: «А что Брянск, у нас точно такие же фильмы показывают».

Другим локотским инфраструктурным объектом, выступающим как центр притяжения субрегионального уровня, является родильный дом, который обслуживает Брасовский, Суземский, Севский, Комаричский и Навлинский районы Брянской области. При этом для самого Локтя характерен отток рожениц в Брянск из-за их стремления получить медицинскую помощь более высокого качества.

Несмотря на более широкую географию притяжения местного родильного дома, стоит отметить, что она в целом обусловлена исключительно административным фактором отсутствия бесплатной альтернативы для жителей указанных пяти районов. В то же время такую точку притяжения субрегионального уровня, как кинотеатр, можно назвать сформировавшейся естественным образом, и она лучше отражает городские (в данном случае — культурно-досуговые) функции Локтя.

Тем не менее, для того чтобы оставаться привлекательным местом жительства для значительной части местного населения, Лок-

тью явно не достаёт городских функций. В первую очередь — развитого рынка труда с широким набором вакансий (см. выше).

В целях определения основных миграционных центров локотчан нами было изучено крупнейшее в социальных сетях сообщество, посвящённое жизни Локтя, — «Локоть-инфо» (рис. 15).

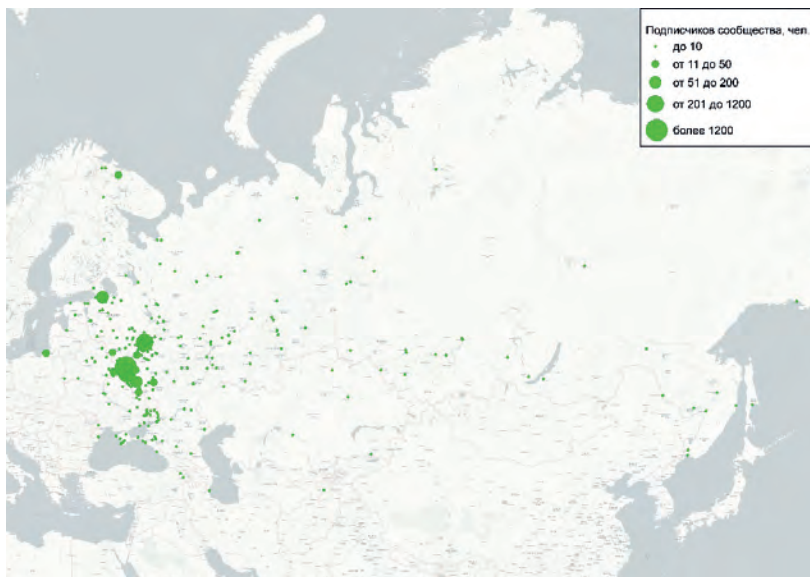

Рисунок 15. Пространственное распределение подписчиков сообщества «Локоть-инфо», указавших место своего проживания в настоящее время.

Источник: Локоть-инфо, 2022

На рисунке 15 отчетливо видны основные миграционные центры — Брянск, Москва, Санкт-Петербург, Курск — и скопления миграционных субцентров, компактно расположенных на территории Брянской, Московской и Ленинградской областей. Это характерно в большей степени для «сельского» типа миграции, когда те, кто не может по каким-то причинам преодолеть экономические барьеры проникновения в крупнейшие центры, оседают у их границ (Нефедова, 2013а), где рынок труда все равно более развитый, чем в Локте. Еще один интересный сюжет, который выявил анализ интернет-сообщества, — виртуальная урбанизация (Замятина, Яшунский, 2018): среди подписчиков *локотского* сообщества брянцев (то есть указавших местом своего проживания Брянск) оказалось 47,7%, тогда как локотчан — 18,4%.

Таким образом, местное население молодого и среднего возраста устремляется туда, где оно точно сможет трудоустроиться (и получать более высокие зарплаты), — в Брянск или Москву. Другой, хотя и не менее важной причиной переезда

С. А. Самбурова,
А. И. Алексеев
Постсоветский
райцентр:
урбанизация или
рурализация?

выступает поступление в вузы. Так, по словам завуча одной из локотских школ, наиболее востребованные направления среди старшеклассников — Брянск, Белгород, Курск, Смоленск и Воронеж.

В Белгороде, Курске и Смоленске находятся сильные медицинские университеты, куда многие локотчане поступают по квотам целевого обучения, предполагающим трехлетнюю отработку, пройти которую можно в том числе в Брасовской районной больнице. Таким образом, студенты на некоторое время возвращаются на малую родину, однако дольше обязательных трех лет оставаться в поселке в подавляющем большинстве не намерены. Так, из 229 человек (почти все — уроженцы Брасовского района), которые в период с 2016 по 2022 год проходили отработку в локотской больнице, на постоянную работу по ее окончании остались лишь трое²². Основными причинами оттока молодого медицинского персонала в города являются в первую очередь желание бывших студентов жить в крупном городе и пользоваться всеми его благами, изначальный выбор достаточно узкой врачебной специальности, на которую нет нужного спроса в Локте, а также желание подрабатывать в частных клиниках, которых в поселке нет.

Отток молодежи, обусловленный образовательными целями, в какой-то мере притормаживает находящийся в Локте Брасовский промышленно-экономический техникум — филиал Брянского государственного аграрного университета, готовящий юристов, экономистов, землеустроителей и строителей. Более того, техникум (называемый местными «хмызня») сам по себе выполняет роль небольшого субрегионального центра: на текущий момент там в основном обучаются студенты Брасовского, Навлинского, Суземского и Комаричского районов (рис. 16).

Однако в советские годы география притяжения техникума была шире: по словам выпускников, туда приезжали учиться не только из РСФСР, но и из Украинской и Молдавской ССР. Более того, еще в 2006 году в местном «Вестнике» вышла такая заметка²³: *«Локотской сельхозтехникум известен далеко за пределами области. Это старейшее учебное заведение. Все места в техникуме бюджетные. Вот почему здесь учатся студенты из Воронежа, Орла, Курска, Крыма, Дальнего Востока, Воркуты, Украины и многих других мест...»* Однако опросив студентов и выпускников, окончивших техникум за последние пять лет, мы не встретили ни одного, у кого были бы одногруппники с Дальнего Востока или из Воркуты. Хотя один студент вспомнил среди своих товарищей уроженца Гагаузии.

22. По данным ГБУЗ «Брасовская ЦРБ».

23. Из Локтя — в космос! // Вестник. Брянск, 2006.

За прошедшие десятилетия сократилась не только география притяжения локотского техникума, но и количество студентов: если в конце 1980-х там обучалось более 1000 человек, то на текущий момент — лишь 363. Отчасти это связано с девальвацией значения «промежуточного центра», которым является Локоть для жителей сел и деревень района: если в советские годы переезд из условного Крупца в Локоть в целях получения средне-специального образования считался показателем успеха, то сейчас жители сельских населенных пунктов хотят (и имеют такую возможность) получать образование сразу в Брянске или другом крупном городе. Таким образом, можно предположить, что в будущем значимость Локтя как образовательного субрегионального центра будет только сокращаться. Тем не менее возможность поступить в Брянский аграрный университет без сдачи ЕГЭ, а также лояльность университета к выпускникам техникума могут немного затормозить этот процесс. Дело в том, что и локотчане, и жители сельской местности, которые составляют значительную часть студентов техникума, все еще настороженно относятся к ЕГЭ и, при желании получить высшее образование, возможность избежать сдачи госэкзамена для них — стимулирующий фактор поступать именно в локотский техникум.

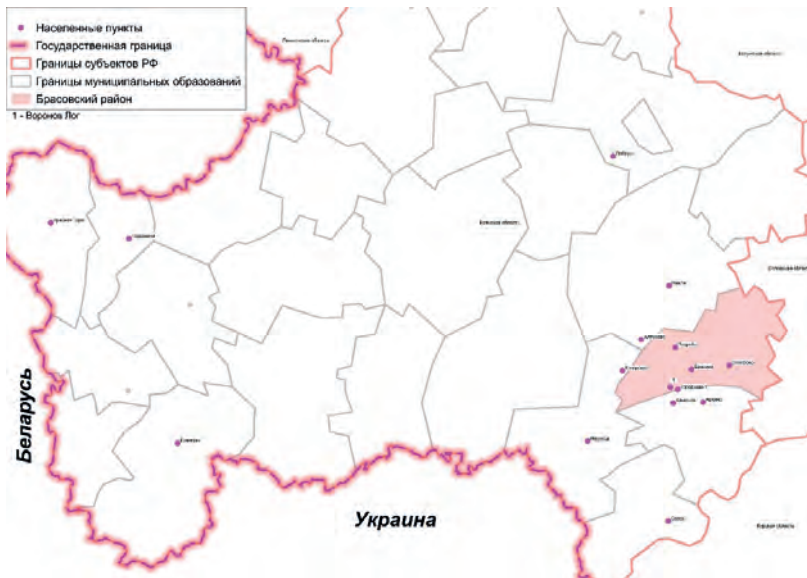

Рисунок 16. География студентов локотского техникума (2019–2021 гг. поступления). Источник: составлено авторами

Образ жизни — один из самых точных, но при этом сложных для каких-либо обобщений критерий урбанизированности/руральнойности населенного пункта (Карачурина, 2012). Тем не менее полевые (в том числе включенные) наблюдения и экспертные интервью позволяют составить представление о том, чем и как живет поселок, что объединяет и разъединяет население, чего оно хочет, к чему стремится.

На рисунке 6 в разделе «Внешний облик» отображен небольшой по площади ареал «Культурно-досуговый центр», и именно он концентрирует в себе большую часть того городского, чем обладает Локоть; чем дальше от центра — тем больше во внешнем облике проявляется сельского.

То же самое можно сказать и об образе жизни: если в центре мы видим вполне городскую картину — люди прогуливаются в парке со стаканчиками кофе, сидят в кафе, забирают покупки с Wildberries, тренируются на стадионе и так далее, — то на окраинах поселка протекает спокойная, практически полностью сельская жизнь. Однако если «городскость», определенно, географически привязана к центру, то «сельскость», характерная в значительной степени для окраин, не ограничивается только ими, все еще проникая в центральную часть поселка (хоть и менее ярко, чем в советские годы). Так, например, едущий на электросамокате по проспекту Ленина молодой человек вполне может врезаться в стайку кур. При этом еще лет 30 назад (конечно, не на электросамокате, а на велосипеде) он мог врезаться и в более крупный скот — корову, свинью или козу, которых ранее локотчане активно держали. Однако теперь ввиду удорожания зерна и других кормов подобного рода скотину «...наверное, только глава района держит», то есть некоторые аспекты вполне себе «сельского» в настоящее время являются показателем статуса в поселке, по образу жизни стремящегося быть городским.

Стремление к городу, конечно, более выражено у молодежи и проявляется не только в практически поголовном желании переехать из Локтя, но и в поведении, организации досуга, внешнем виде. Молодые люди, в отличие от старшего поколения, модно одеваются, потребляют такой же контент, как и в городах, являются активными пользователями типично городских услуг, доступных в поселке (доставка еды, ногтевой сервис, бесплатный Wi-Fi в кафе и т. д.). Однако социальные характеристики и установки молодых локотчан в целом ближе к типично сельским, ведь несмотря на активное распространение с помощью интернета всех значимых трендов города, молодежь проживает в небольшом поселке, окруженная огородами, курами, агрохолдингами и установками старшего поколения о том, что «...в вуз поступить много

денег надо — тому отстегни, этому...», «мы — дураки деревенские» и им подобным. Возможно, в том числе поэтому в попытках избавиться от осознания себя даже не провинциалами, а сельскими жителями, локотская молодежь слепо, гипертрофированно и запоздало копирует вызывающее поведение молодых горожан, к которому относится, например, показное потребление. Таким образом, локотская молодежь, очевидно, более восприимчивая к инновациям, внешне мало отличима от городской, но ментально ею не является ввиду наличия внутреннего комплекса собственной сельскости.

А вот представители среднего и старшего возраста (и здесь не важно, работают ли они в Локте или вахтой) в большинстве своем спокойно относятся к тому, что проживают в поселке, воспринимая его как некое переходное и в целом комфортное для жизни звено между селом и городом («Уже не село, еще не город»). Эти возрастные страты обладают широким кругом контактов, который является одной из причин, удерживающих их от переезда. Многие локотчане упоминали, что в поселке «легче решить любой вопрос», поскольку все всех знают, и люди стараются относиться друг к другу внимательнее. Также люди среднего и старшего возраста особенно ценят местную природу, тишину и отсутствие городской суеты («Нравится, потому что здесь тихо... Мы привыкли к тишине»). При этом они так же активно, как и молодежь, пользуются «городскими» сервисами, которые в настоящий момент присутствуют в поселке, и видят позитивные изменения (реконструкция парка, благоустройство улиц, новые детские площадки, стадион, отремонтированные дороги). Однако ввиду того, что заметная часть населения среднего возраста вынуждена большую часть своего времени проводить на работах вдали от дома, полноценно наслаждаться этими изменениями не получается. Поэтому большинство семейных локотчан все-таки хотели бы своим детям будущего вне поселка: «...хочется, чтобы они [дети] здесь остались, но хочется, чтобы у них большее будущее было... Здесь не столько возможностей, в городе им будет лучше».

Любопытным методом для обобщения представлений о своем поселке разных поколений локотчан, который позволяет также выявить и подчеркнуть отдельные аспекты городского или сельского образа жизни, является использование осей регионализации по Трейвишу (Трейвиш, 2006), которые, конечно, разрабатывались не для исследований такого низового уровня, но все равно могут быть нам полезны. В связи с этим в ходе глубинных интервью мы попросили локотчан отметить на каждой оси положение поселка (рис. 17).

На рисунке 17 представлены ответы не всех респондентов (все-го было опрошено 23 человека), но даже такое количество дает возможность получить общие представления о внутреннем самосозна-

нии местных жителей, и главное — охарактеризовать жизненный уклад локотчан. Так, единственная ось, не вызывавшая затруднений ни у одного респондента, — «русские регионы — республики»: положение Локтя на ней плотно смещено к самому краю «русскости», и это однозначно говорит об этнической, культурной и религиозной однородности населения поселка. Это подтверждают и полевые наблюдения, подтвердившие в целом достаточно высокий уровень доверия локотчан друг к другу: они не пристегивают свои велосипеды и не закрывают двери в подъездах многоквартирных домов, поскольку уверены, что «все свои», и никто ничего не украдет.

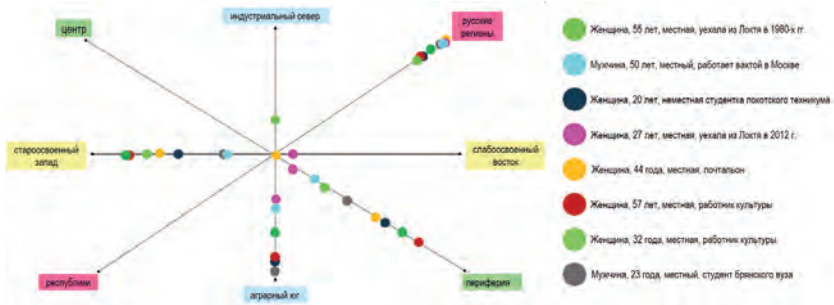

Рисунок 17. Положение Локтя на осях регионализации по Трейвишу. Источники: результаты глубинных интервью с локотчанами и Трейвиш, 2006

Никто из респондентов не отнес Локоть ближе к *центру*, чем к *периферии*, обосновывая это активно развитым в поселке личным подсобным хозяйством, а также, как упоминалось выше, фактором широкого круга контактов у местного населения («все всё про всех знают»). Интересно, что в случае личного подсобного хозяйства полупериферийная роль Локтя воспринимается скорее позитивно, как связующая между городом и селом, между молодым и старшим поколениями: «Выращивание сельхозкультур очень развито, но не с точки зрения выживания, а потому мы хотим передавать вкусную домашнюю еду детям... [в отличие от 1990-х] они сейчас приезжают из города и берут себе, допустим, варенья, потому что, например, трехлитровая банка огурцов им теперь ни к чему».

На оси «староосвоенный Запад — слабоосвоенный Восток» большинство поместило Локоть ближе к староосвоенным территориям. Единственная женщина, поставившая поселок ближе к слабоосвоенным, аргументировала это тем, что «Локоть-то начали осваивать давно, но плохо». Тем не менее практически все респонденты, раздумывая над ответом, с гордостью вспоминали историческое наследие: конезавод, Апраксиных и Романовых.

Положение Локтя по оси «индустриальный Север — аграрный Юг» в очередной раз подтвердило смену ядра экономической специализации поселка с промышленной на сельскохозяйственную. Большой контрастности прошлого и настоящего Локтя придает то обстоятельство, что женщина, переехавшая из поселка около 40 лет назад, уверенно поместила его ближе именно к индустриальному Северу. После отъезда она редко приезжала в поселок и запомнила его еще промышленным — с мебельной фабрикой, спирти и машзаводом. Другие респонденты, размещая Локоть по этой оси, также вспоминали заводы в прошлом и вахту в настоящем: *«Плохо это. И с точки зрения экономической, и с социальной, что люди оторваны от семей. Некоторые семьи вон разрушаются. Дети отцов не видят — разве это хорошо? Ну и с экономической, да, плохо»*.

Именно последствия отхода от промышленности, на наш взгляд, лучше всего характеризуют то, каким же — более городским или сельским — локотчане считают свой образ жизни и, соответственно, сам поселок. Здесь стоит отдельно добавить про административный статус Локтя — поселок городского типа. Несмотря на то что с середины 1970-х (когда Локоть из «рп»²⁴) превратился в «пгт») ни разу не поднимался вопрос о его переводе в категорию сельских населенных пунктов, местное население очень этого опасается. Некоторая часть локотчан и вовсе считает, что неким «наказанием» за утрату промышленности стало «понижение в классе»: *«Мы теперь даже не пгт, а рп, забрали у нас пгт»*²⁵.

Таким образом, вместе со сменой экономической специализации Локтя с промышленной на сельскохозяйственную изменился и жизненный уклад местного населения, однако не в сторону большей сельскости. В нем появилось больше типично городских черт, выражающихся как в активном использовании «городских» сервисов, так и в поведении молодежи. Вместе с этим «сельские» составляющие (широкий круг общения, доверие друг к другу, высокая ценность местной природы, активное ведение личного подсобного хозяйства) никуда не исчезли, оставаясь надежной основой для локотчан, на которую постепенно накладываются все новые составляющие городского образа жизни.

Заключение

Постсоветские социально-экономические трансформации оказали значительное и зачастую противоречивое влияние на жизнь множества населенных пунктов нашей страны. Так, например, со-

24. Рабочий поселок.

25. Пример «народной мифологии», ведь термины «поселок городского типа» и «рабочий поселок» тождественны.

гласно исследованию, проведенному в сельской местности Ярославской области (Алексеев, Корюхин, 2017), городской образ жизни раньше стал преобладающим в наиболее мелких поселениях, нежели в крупных. При этом «забрасывание» ЛПХ становится нормой сельской жизни и для сел более крупного размера (например, крымской Новоалексеевки), поскольку трансформация психологии сельских жителей неукоснительно следует проурбанизационному тренду (Гусаков, 2018). В то же время иные важные составляющие, позволяющие оценить вектор трансформации населенного пункта, такие как, например, занятость населения и его мобильность, часто следуют в обратном направлении: людность снижается, молодежь уезжает или «отходит» в более крупные города.

Поэтому в связи с комплексностью понятий «урбанизация» и «рурализация», а также множеством подходов к их определению, любопытным представляется проследить, сдвиги в какую сторону произошли с каждым из рассмотренных нами компонентов социально-экономического положения Локтя (табл. 4).

Таблица 4. Сдвиги по оси урбанизированности компонентов социально-экономического положения Локтя

Критерий	Село	Промежуточное положение	Город
Внешний облик поселка		→	
Занятость населения	←		
Транспортная связанность	←		
Миграции	←		
Образ жизни		→	

Источник: составлено авторами с использованием Sorokin, Zimmerman, 1929

Смена ядра экономической специализации с исторически сформированного промышленного (деревообработка, машиностроение, производство спирта) на сельскохозяйственное (выращивание зерновых, картофеля, разведение крупного рогатого скота молочного направления, свиноводство) и сильное сокращение количества рабочих мест внутри поселка повлекли нехарактерные для него ранее масштабы отходничества. В настоящее время значительная часть мужского трудоспособного населения занята вахтовым методом в Москве, Брянске и других городах, преимущественно в охране и перевозках. Другим следствием закрытия градообразующих предприятий стало распыление занятости, отсутствие больших коллективов и, как следствие, переход к индивидуальным, а не коллективным, ритмам жизни.

Вместе с перераспределением занятости населения в постсоветский период произошло и перераспределение центральных

функций Локтя между ним и центрами близлежащих Комаричского, Трубчевского и Навлинского районов. Так, если Локоть выполняет функцию субрегионального перинатального центра, то в Навле, Трубчевске и Комаричах находятся иные необходимые локотчанам, но отсутствующие в поселке объекты (например, военный комиссариат), что приводит к вынужденно-интенсивным поездкам местного населения по бытовым нуждам. Однако ввиду мощного сжатия транспортных контактов на местном автобусном и железнодорожном транспорте, приведшего к сильному сокращению количества и качества доступных для населения поселка маршрутов, большинство этих поездок осуществляется на автомобилях. В связи с этим логичным представляется повышенный уровень автомобилизации в Локте — около 1,5 автомобиля на домохозяйство.

По результатам глубинных интервью и анализа социальных сетей выявлены основные миграционные центры для локотчан — Брянск, Москва, Санкт-Петербург, Курск, а также населенные пункты, расположенные в их областях. Главные причины для переезда — поиски более высокооплачиваемой работы на развитых рынках труда, а также поступление в высшие учебные заведения. В целом это подтверждает тенденцию к упрощению иерархии населенных пунктов и сильной их поляризации по оси «село-город»: в настоящее время в представлении наиболее миграционно активных групп населения сел и деревень такие поселки-райцентры, как Локоть, просто не существуют — есть их село, и есть Город, в который они стремятся. Очевидно, что существует и противоположно направленное миграционное поведение, но и в этом случае для тех, кто хочет полноценной сельской жизни, Локтю предложить, в общем-то, нечего.

Анализ интернет-сообщества «Локоть-инфо» выявил признаки виртуальной урбанизации, в большей степени характерной для молодежи, которая гораздо сильнее, чем люди среднего и старшего возраста, стремится к городскому образу жизни и в целом к окончательному переезду в города. В результате локотская молодежь, благодаря развитию интернета, а также появлению в поселке таких типично городских сервисов, как доставка еды, салоны красоты, бары, пункты выдачи заказов с крупнейших маркетплейсов и др., внешне мало отличима от городской, однако ментально ею не является ввиду наличия внутреннего комплекса собственной сельскости, природа которого лежит как в установках старшего поколения, так и во внешнем облике самого Локтя: большую часть территории занимают индивидуальные жилые дома, при каждом из которых есть огород, а по улицам гуляет домашняя птица. При этом для поселка характерна географическая дифференциация «сельскости»: к окраинам ее степень кратно нарастает, тогда как центральная часть, где представлены объекты культуры, досуга, спорта, сферы услуг и многоквартирные дома, отличается от центров малых горо-

дов только тем, что по ней так же, как и по окраинам Локтя, свободно гуляют куры.

Для жителей поселка среднего и старшего возраста, несмотря на активное использование «городской» инфраструктуры поселка, характерна высокая ценность местной природы, а также широкий круг близких контактов и высокий уровень доверия, которые, вместе с локальным патриотизмом, удерживают их от переезда. Получается, что однозначно проурбанизационный сдвиг жизненного уклада локотчан сочетается с его «сельскими» составляющими: *«Тут город [показывает на многоквартирные дома], а тут деревня [показывает на огород]. Мы городские, на этажах живём, а корни деревенские вот... у нас всё сочетается».*

Таким образом, потерявший свою мощную (в локальных масштабах) промышленную базу и получивший, как следствие, масштабный отток населения как отходнического, так и полноценного характера; утративший значимую часть своих центральных функций, но получивший при этом сравнительно развитый сектор услуг, Локоть занимает промежуточное положение между селом и городом. Трансформация процессов, происходящих в его жизни, имеет разнонаправленный характер, и именно это обстоятельство, а не формальные статусы поселка городского типа и райцентра, не дает Локтю стать ни полноценным селом, ни полноценным городом.

Сами локотчане, отвечая на прямой вопрос о том, к городу или к селу ближе их поселок, чаще всего говорили, что *«мы не город и не село, мы — поселок городского типа».* Что ж, по-видимому, этот рудиментарный статус из советской эпохи в настоящее время и является синонимом такой срединности, и уже никак не связан ни с людностью поселения, ни с преимущественной сферой занятости его населения.

Библиография

- Алексеев А. И., Корюхин Д. А. (2017). «Инверсия» сельской урбанизации? // Вестник Московского университета. Серия 5. География. № 5. С. 103-105.
- Алексеева Т. И. (1995). Город как саморазвивающаяся система: контуры новой парадигмы // Город как социокультурное явление исторического процесса / Э. В. Сайко (ред.). М.: Наука. С. 38-46.
- Афанасьев А. А. (2014). Понятие и формально-юридические признаки сельских поселений: территория, население, правовой режим // Пробелы в российском законодательстве. Юридический журнал. № 3. С. 298-303.
- Гусаков Т. Ю. (2018). Постсоветское крымское село: социально-экономическая трансформация // Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Государственное и муниципальное управление. Т. 5. № 2. С. 160-177.
- Гусев А. А., Горкин А. П., Бородулин В. И. (2001). Российский энциклопедический словарь. М.: Большая российская энциклопедия.
- Димке Д. В., Корюхина И. Ю. (2012). Завод по производству времени // Отечественные записки. № 5. С. 257-268.

- Замятина Н. Ю., Яшунский А. Д. (2018). Виртуальная география виртуального населения // Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены. № 1 (143). С. 117-137.
- Заславская Т. И., Рывкина Р. В. (1972). Влияние процессов урбанизации и индустриализации на социально-экономическое развитие деревни // Социально-экономическое развитие села и миграция населения: сборник статей / Т. И. Заславская, В. А. Калмык (ред.). Новосибирск: ИЭОПП СО АН СССР. С. 245-263
- Калугина З. И. (2012). Инверсия сельской занятости: практика и политика // Регион: экономика и социология. № 2. С. 45-67.
- Карачурина Л. Б. (2012). Урбанизация по-российски // Отечественные записки. № 3. С. 10-24.
- Крашенинников В. В. (2008). Из истории села Брасово и других селений Брасовского района // Очерки по истории Брянской земли. Сборник научных статей / В. В. Крашенинников (ред.). Брянск: Брянская областная научная универсальная библиотека им. Ф. И. Тютчева (БОНУБ). С. 5-11.
- Лаппо Г. М. (1997). География городов: учеб. пособие для географических факультетов вузов. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС.
- Нефедова Т. Г. (2013а). Большой, малый, средний город и село в России // География, градостроительство, архитектура: синтез наук и практик. С. 171-190.
- Нефедова Т. Г. (2013б). Десять актуальных вопросов о сельской России. Ответы географа. М.: URSS.
- Никифоров Л., Кузнецова Т. (2007). Город и село: особенности интеграции в советский и постсоветский периоды // Журнал исследований социальной политики. № 5(2). С. 179-200.
- Осипов Б. В., Крижановская Г. Н. (2011). Брасовская земля: история и современность. Брянск: [б. и.].
- Покшишевский В. В. (1973). О проблеме «второго города». Территориальные системы производства и расселения // Учён. зап. Пермск. ун-та им. А. М. Горького. № 311.
- Рывкина Р. В. (1979). Образ жизни сельского населения: методология, методика и результаты изучения социально-экономических аспектов жизнедеятельности. Новосибирск: Наука. Сиб. отд-ние.
- Семенов-Тянь-Шанский В. П. (1910). Город и деревня в Европейской России. Очерк по экономической географии с 16 картами и картограммами. СПб.: Типогр. Киришбаума.
- Соколов Я. Д. (2000). Седая Брянская старина. Историко-краеведческие очерки о Брянском крае, древних городах, селах, реках, людях... Брянск: Дебрянск.
- Трейвиш А. И. (2006). Географическая полимасштабность развития России: город, район, страна и мир. Дисс. ... докт. геогр. наук (25.00.24). М.: Ин-т географии РАН.
- Тюккюлайнен М., Андреев О., Пьянкова Я. (2008). Промышленная реструктуризация села и динамика создания рабочих мест в сельскохозяйственных районах Финляндии // Север промышленный. № 10-11.
- Фролова Т. А. (2016). Понятие «город» в законодательстве субъектов Российской Федерации об административно-территориальном делении // Пролог: журнал о праве. № 3. С. 51-55.
- Чучкалов А. С., Алексеев А. И. (2019). «Новые» сельские населенные пункты – бывшие поселки городского типа // Известия Российской академии наук. Серия географическая. № 6. С. 18-34.
- Mondal B., Samanta G. (2021). Mobilities in India. Cham: Springer International Publishing.
- Park R. E., Burgess E. W. (eds.) (1925). The City. Chicago, IL: University of Chicago Press.
- Samanta G. (2014). The politics of classification and the complexity of governance in census towns // Economic and Political Weekly. Vol. 49. № 22. P. 55-62.
- Sorokin P. A., Zimmerman C. C. (1929). Principles of rural-urban sociology. New York: H. Holt and Company.

On the example of the urban-type settlement Lokot in the Bryansk Region

Svetlana A. Samburova, Master's Student, Department of Economic and Social Geography of Russia, Faculty of Geography, Lomonosov Moscow State University. Leninsky Gory, 1, Moscow, 119991, Russia. E-mail: svetlanawernbloom@gmail.com

Alexander I. Alekseev, DSc (Geography), Professor, Department of Economic and Social Geography of Russia, Faculty of Geography, Lomonosov Moscow State University. Leninsky Gory, 1, Moscow, 119991, Russia. E-mail: alival@mail.ru.

Abstract. Today, urban-type settlements still have an 'intermediate' position between the city and the village, as in the Soviet period. However, the consequences of the 1990s' crisis and the transition to the market economy have changed the social-economic situation in such settlements. The authors consider Lokot in the Brasovsky district of the Bryansk Region as an example of the peripheral urban-type settlement and describe its changes on the axis of urbanization in the post-Soviet period based on the following indicators: appearance of the village, employment, mobility, migration and lifestyle of its population. Each indicator has undergone transformations of various scale since the collapse of the Soviet Union, but there is no single trend (pro-urban or pro-rural): the appearance of the village and the lifestyle of the local population have become more urban due to the development of the services sector, while employment, mobility and migration, on the contrary, have become more rural primarily due to the closure of the city-forming industrial enterprises, which led to a significant outflow of the able-bodied population to cities. Thus, the multidirectional nature of transformation does not allow to unambiguously define Lokot as a city or a village.

Key words: urban-type settlement, city, village, lifestyle, Bryansk Region, social-economic transformation

References

- Alekseev A. I., Koryukhin D. A. (2017) "Inversija" selskoj urbanizatsii? ["Inversion" of rural urbanization?], *Vestnik Moskovskogo Universiteta. Serija 5: Geografija*, no 5, pp. 103–105.
- Alekseeva T. I. (1995) Gorod kak samorazvivajushchajasja sistema: kontury novoj paradigmy [City as a self-developing system: Outlines of a new paradigm], *Gorod kak sotsiokulturnoe javlenie istoricheskogo protsessa*, Ed. by Sayko E. V., Moscow: Nauka, pp. 38–46.
- Afanasiev A. A. (2014) Ponyatie i formalno-yuridicheskie priznaki selskih poselenij: territorija, naselenie, pravovoj rezhim [Concept and formal-legal features of rural settlements: Territory, population, legal regime], *Probely v Rossijskom Zakonodatelstve*, no 3, pp. 298–303.
- Chuchkalov A. S., Alekseev A. I. (2019) "Novye" selskie naselennye punkty — byvschie poselki gorodskogo tipa ["New" rural settlements — former urban-type settlements], *Izvestija RAN. Serija Geograficheskaja*, no 6, pp. 18–34.
- Dimke D. V., Koryukhina I. Yu. (2012) Zavod po proizvodstvu vremeni [Time production plant], *Otechestvennye Zapiski*, no 5, pp. 257–268.
- Frolova T. A. (2016) Ponjatie "gorod" v zakonodatelstve sub`ektov Rossijskoj Federatsii ob administrativno-territorialnom delenii [The term "city" in the legislation of the sub-

- jects of the Russian Federation on the administrative-territorial division], *Prolog*, no 3, pp. 51–55.
- Gusakov T.Yu. (2018) Postsovetskoe krymskoe selo: sotsialno-ekonomicheskaja transformacija [Post-Soviet Crimean village: A social-economic transformation], *Vestnik RUDN. Serija: GMU*, no 2, pp. 160–177.
- Gusev A. A., Gorkin A. P., Borodulin V. I. (2004) *Rossijskij entsiklopedicheski slovar* [Russian Encyclopedic Dictionary], Moscow: BRE.
- Kalugina Z. I. (2012) Inversija selskoj zanjatosti: praktika i politika [Rural employment inversion: Practice and policy], *Region: Ekonomika i Sotsiologija*, no 2, pp. 45–67.
- Karachurina L. B. (2012) Urbanizatsija po-rossijski [A Russian type of urbanization], *Otechestvennye Zapiski*, no 3, pp. 10–24.
- Krashennikov V. V. (2008) Iz istorii sela Brasovo i drugih selenij Brasovskogo rajona [From the history of the village of Brasovo and other villages of the Brasovsky district], *Oчерки po istorii Bryanskoj zemli*, Bryansk: BONUB, pp. 5–11.
- Lappo G. M. (1997) *Geografija gorodov* [Geography of Cities], Moscow: VLADOS.
- Mondal B., Samanta G. (2021) *Mobilities in India*, Cham: Springer.
- Nefedova T. G. (2013a) Bolshoj, maly, sredny gorod i selo v Rossii [Large, small, medium-sized city and village in Russia], *Geografija, gradostroitelstvo, arhitektura: sintez nauk i praktik*, город: изд-во, pp. 171–190.
- Nefedova T. G. (2013b) *Desyat aktualnyh voprosov o selskoj Rossii. Otvety geografa* [Ten Typical Questions about Rural Russia. A Geographer's Answers], Moscow: URSS.
- Nikiforov L., Kuznetsova T. (2007) Gorod i selo: osobennosti integratsii v sovetskiy i postsovetskiy periody [City and village: Features of integration in the Soviet and post-Soviet periods], *Zhurnal Issledovanij Sotsialnoj Politiki*, vol. 5, no 2, pp. 179–200.
- Osipov B. V., Krizhanovskaya G. N. (2011) *Brasovskaja zemlja: istorija i sovremennost* [Brasovo Land: History and the Present State], Bryansk.
- Park R. E., Burgess E. W. (Eds.) (1925) *The City*, Chicago: University of Chicago Press.
- Pokshishevsky V. V. (1973) O probleme "vtorogo goroda". Territorialnye sistemy proizvodstva i rasselenija [On the "second city". Territorial systems of production and settlement], *Uchenye Zapiski Permskogo Universiteta im. A. M. Gorkogo*, vol. 311.
- Ryvkina R. V. (1979) *Obraz zhizni selskogo naselenija: metodologija, metodika i rezultaty izuchenija sotsialno-ekonomicheskikh aspektov zhiznedejatel'nosti* [Lifestyle of the Rural Population: Methodology and Results of the Study of Its Social-Economic Aspects], Novosibirsk: Nauka.
- Samanta G. (2014) The politics of classification and the complexity of governance in census towns, *Economic and Political Weekly*, vol. 49, no 22, pp. 55–62.
- Semenov-Tjan-Shansky V. P. (1910) *Gorod i derevnja v Evropejskoj Rossii. Oчерk po ekonomicheskoi geografii s 16 kartami i kartogrammami* [City and Village in European Russia. An Essay on Economic Geography with 16 Maps and Cartograms], Saint Petersburg: Tip. Kirshbauma.
- Sokolov Ya. D. (2000) *Sedaja Bryanskaja starina. Istoriko-kraevedcheskie oчерki o Bryanskom krae, drevnih gorodah, selah, rekah, ljudjah...* [Hoary Bryansk Antiquity. Local-Historical Essays on the Bryansk Region, Ancient Cities, Villages, Rivers, People...], Bryansk: "Debryansk".
- Sorokin P. A., Zimmerman C. C. (1929) *Principles of Rural-Urban Sociology*, New York: H. Holt and Company.
- Tjukkulajnen M., Andreev O., Pyankova Ya. (2008) Promyshlennaja restruktizatsija sela i dinamika sozdanija rabochih mest v selskokhozjajstvennyh rajonah Finlandii [Industrial restructuring of rural areas and the dynamics of job creation in agricultural areas of Finland], *Sever Promyshlenny*, no 10–11.
- Trevish A. I. (2006) *Geograficheskaja polimasshtabnost razvitija Rossii: gorod, rajon, strana i mir* [Geographical Multi-Scale Development of Russia: City, District, Country and World] (DSc Thesis), Moscow: IG RAN.

С. А. Самбурова,
А. И. Алексеев
Постсоветский
райцентр:
урбанизация или
рурализация?

- Zamyatina N.Yu., Yashunsky A. D. (2018) Virtualnaja geografija virtualnogo naselenija [Virtual geography of virtual population], *Monitoring Obshchestvennogo Mnenija: Ekonomicheskie i Sotsialnye Peremeny*, no 1, pp. 117–137.
- Zaslavskaya T. I., Ryvkina R. V. (1972) Vlijanie protsessov urbanizatsii i industrializatsii na sotsialno-ekonomicheskoe razvitie derevni [The impact of urbanization and industrialization on the social-economic development of the village], *Sotsialno-ekonomicheskoe razvitie sela i migratsija naselenija*, Eds. by T. I. Zaslavskaya, V. A. Kalmyk, Novosibirsk: IEOPP SO AN SSSR, pp. 245–263.